

нием русской жизни”, пишущим “поганые статьи”, и с другой стороны — “действительно страдающим, чистым и искренним человеком”.

Дружба с Белинским продолжалась недолго, постепенно в отношениях с ним и его окружением нарастает взаимное охлаждение; причин, как известно, было много. Во-первых, Достоевский должен был выбрать издание, с которым он будет сотрудничать, и выбор пал не на журнал Белинского и Некрасова «Современник», а на «Отечественные записки» А.Краевского. Во-вторых, Достоевский был чрезвычайно мнителен и обидчив, не мог простить порой добродушные, а порой — не очень, подшучивания со стороны старших и уже более известных писателей кружка «Современника». Так что не следует видеть причину конфликта с Белинским только в расхождении в вопросах веры, хотя основания для этого есть (“ругая Христа, — вспоминает Достоевский, — он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо него, неужели себя, тогда как мы так гадки”). Итак, повторим, причин было много — и идеологического, и материального, и личного характера.

Что касается кружка Петрашевского, с которым Достоевский сближается после разрыва с Белинским, то в нём отношение к христианству было неоднозначным. Сам Петрашевский был, видимо, последовательным атеистом; вспоминают, что он цинично говорил о Христе как о “демагоге, несколько неудачно кончившем свою карьеру”. Но в кругу петрашевцев популярны идеи французских социалистов, Сен-Симона, Фурье и др. А именно Сен-Симону, как известно, принадлежит термин “новое христианство”, в одноимённой работе он обращался к религии, обосновывая новые принципы организации справедливого общественного устройства.

Энциклопедический словарь, создаваемый петрашевцами, больше чем наполовину был посвящён вопросам религии, христианства. Позже Достоевский вспоминал о своих тогдашних увлечениях как о болезни, но это была, так сказать, “высокая болезнь”: “...Зарождавшийся социализм сравнивался тогда <...> с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. <...> Тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло. Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда заражённых, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его, — те из нас тогда ещё не знали причин болезни своей, а потому и не могли ещё с нею бороться”.

Так как социалистические идеи в значительной мере опирались на христианство, то во многом правы те биографы Достоевского, которые представляют себе эволюцию его взглядов не как радикальный пересмотр юношеских убеждений и полный отказ в более зрелом возрасте от прежних (революционных, социалистических) позиций, а как развитие и углубление одних и тех же идей.

В 1848 году члены кружка Петрашевского были арестованы, приговорены к смертной казни, заменённой в последний момент ссылкой в Сибирь. Оказавшись лицом к лицу со смертью, стоя в ожидании расстрела и мысленно распрощавшись с жизнью, Достоевский испытал сильнейшее потрясение, когда жизнь снова была возвращена ему. Отправляясь на каторгу, он полон надежд на будущее и шлёт брату восторженное письмо: “Не тужи, ради Бога, не тужи обо мне! Знай, что я не уныл, помни, что надежда меня не покинула. <...> Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь ещё раз живу! <...> Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья. <...> Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, всё утешение моё. <...> Теперь уже лишения мне нипочём, и потому не пугайся, что меня убьёт какая-нибудь материальная тягость”.

В остроге писатель мог читать только одну книгу — Евангелие, которое ему было подарено встретившей его по дороге на каторгу женой ссыльного декабриста Н.Д. Фонвизиной. Конечно, писатель много размышлял над строками Нового Завета, это издание Евангелия он хранил как реликвию всю жизнь. Однако нельзя сказать, что угроза казни, чудесное спасение, тяготы каторжных работ и освобождение сделали Достоевского религиозным писателем. Религиозные искания составляли пусть очень важную, но всё же лишь часть его размышлений о смысле человеческого существования, которые сопровождали его всю жизнь. Близко знавший писателя в ссылке А.Е. Врангель вспоминал: “О религии с Достоевским мы мало беседовали. Он был скорее набожен, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом”. По освобождении из острога, когда появилась возможность читать книги по своему выбору, Достоевский просит брата срочно выслать ему книги, причём большей частью не христианские, а самого разного свойства: “Пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидида, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т.д.). <...> Наконец, Коран и немецкий лексикон. <...> Пришли мне тоже фи-